

УДК: 159. 923

М.Т. КУЗНЕЦОВ

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИНДРОМА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ У МАЛОЛЕТНИХ УЗНИКОВ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ

Известно, что если человек длительное время пребывает в условиях депривации – не получает необходимой информации –, то его мозг утрачивает свои функциональные возможности, и человек начинает менее адекватно воспринимать и реагировать на окружающую действительность; в тяжелых случаях может формироваться синдром одичания (как это, например, отмечалось у заключенных, обреченных долгие годы находиться в одиночной камере без общения хотя бы с надзирателями). Если же депривация происходит в детском возрасте, т.е. в биологически значимый период для психического развития (на основе генетически запрограммированных встреч и реагирования), то мозг может навсегда остаться недоразвитым с элементами патологического функционирования. В дефектологии, коррекционной педагогике, психологии это называется задержкой психического развития (ЗПР), в психиатрии – пограничная умственная отсталость и патохарактерологическое (психопатическое) развитие. Последнее хорошо изучено и описано в специальной литературе. Депривация в более зрелом возрасте приводит к состояниям, получившим названия: “болезни колючей проволоки” у военнопленных, “синдром концлагеря” (в том числе присущий для узников гулагов), “невроз возвращения из концлагеря”, “астенический синдром депортированных”; еще со времен Первой мировой войны описан “рентный синдром” у травмированных войной малоимущих солдат. В последние десятилетия стали широко известными “вьетнамский”, “афганский”, “чеченский” (что в патопсихологическом отношении по сути одно и то же) синдромы; у молодых людей, депортированных из мест принудительного содержания может также формироваться “синдром духовной и психической недоразвитости”.

Вместе с тем остаются патопсихологически неизученными и неописанными состояния психики детей, бывших узниками нацистских преследований. В особенности это относится к детям, потерявшим родителей и лишенным родительской заботы и ласки, к тому же психологически травмируемым окружением взрослых, выполняющих в отношении их функции призрения и не обеспечивающих при этом удовлетворения естественных для физического и психического развития потребностей. Понятно, что это уникальные (а потому в обычных условиях неповторимые) “эксперименты” войны, притом относящиеся не к единичным случаям, а массовым проявлениям в условиях системы управления, создающей реальное, но “недостойное человека существование в псевдоколлективном омассовлении, в кабале или в рабстве”. Так об этом выразился известный психоаналитик Виктор Франкл [1], прошедший весь ужас нацистских концлагерей и выживший лишь благодаря профессионально воспитанной в себе воле к постижению смысла жизни и следованию ему в условиях невероятных страданий и реальной перспективы неминуемой смерти. Но это, опять-таки, касается взрослого человека. Ребенок же – еще только развивающаяся живая система самоуправления, и ей приходится пользоваться не выработанными и уже

проверенными средствами защиты и приспособления, а лишь биологически заложенными (и, может быть, генетически непредусмотренными) механизмами. В таких случаях система самоуправления частично или необратимо надламывается, что безусловно сказывается на психонервной деятельности и личностных особенностях такого ребенка в процессе его взросления.

Все меньше остается в живых таких "подопытных" детей той войны, способных свидетельствовать о результатах пережитого "эксперимента" нацистских преследований. Познание результатов важны уже не только для них самих – достойно прожить оставшиеся годы жизни – , но это необходимо для будущих поколений. И не только в качестве предостережения повторения над собой той, по выражению Франкла, "дьявольской карикатуры" на человеческую сущность, а хотя бы для познания психобиологических возможностей человека, вынужденного приспособляться к поступательно усложняющимся и, временами, к экстремальным условиям существования. Приспособляться и вписываться в избранную для себя жизненную нишу необходимо так, чтобы не терять своего эволюционно приобретенного совершенства, соответствующего идеалу *Homo sapiens*. В противном случае происходит регресс – приближение к одичанию.

Мой собственный опыт в годы ВОВ [2] заключался в том, что уже в первый же день войны, в 9-летнем возрасте, я лишился родителей, оказавшись в условиях существования стихийно возникшего на оккупированной немцами территории (на базе незавакуированного пионерского лагеря) детского дома "Дрозды". В этих условиях стремительно развившийся у детей психический стресс утраты родителей и безысходного сиротства, столь же быстро нарастающее и затем непреодолимое голодание, нахождение в осенне-зимнем периоде в условиях непрерывного холода, постоянно беспокоящая крайняя завшивленность и чесотка (и сопутствующее им недосыпание вследствие кожного зуда), ощущение слабыми детьми постоянного пресса давления на них более сильных ребят с унижением их личного достоинства (если о таковом можно говорить в тех условиях), примитивность форм поведения с регрессией к обеспечению самосохранения через удовлетворение исключительно первичных влечений – это не вполне исчерпывающий перечень уродующих психику факторов, о которых невозможно говорить, опуская определение "*постоянно*". К этому перечню необходимо добавить преходящие, но столь же травмирующие, чаще всего производные от перечисленных, но и другие отрицательные моменты жизни в тех условиях. Выражаясь медицинским языком, перечисленные облигатные условия существования, проявляясь на принципе взаимодополнительности, а значит, потенцируя суммарный результат воздействия, осложнялись еще и факультативными факторами. Все вместе взятое размывает возможность строго дифференцированного изучения специфики каждого из факторов самого по себе, но и в то же время обозначает взаимопорождение целостной цепи, в той или иной мере пагубно воздействующей на развивающуюся психику ребенка и формирование его личности. Если же в познавательном смысле ограничиться чисто описательным методом, тогда будет трудно с определенностью утверждать, какой фактор в этой цепи определяющий, неаддитивно дополняющий или только случайно сопутствующий. Тем не менее, по каждому из приведенных имеет смысл сказать что-то значимое в самом себе.

Стресс утраты родителей и безысходного сиротства (что в указанных условиях означает утрату обоих родителей сразу и без надежды на помощь и уход других родственников) невозможно представить себе чисто теоретически и описательно, путем наблюдения, респроса такого сироты и даже попытки

сопереживания с ним. “Не могут понять жизнь в этом мире те, кто никогда не жил в нем” – констатирует Джильберт, изучая психологию диктатуры [3]. Во внутреннем переживании жертвы это следующие друг за другом приступы страха, достигающие подчас уровня витального ужаса от предстоящего одиночества во внезапно ставшем для тебя чуждом мире. Эти приступы неизменно появляются перед ночным сном, как правило, вместе с утренним пробуждением, и нередко, пробуждаясь ночью после тематически о том же пугающих сновидений. Чуть полегче чувствуешь себя, отвлекаясь от этих мыслей в дневное время, но всякий неблагоприятный момент выступает как доминанта – тут же напоминает о том же, превращая существование в тяжелый кошмар. Известно, что слезы – великий лекарь, но в данном случае их недостаточно – детскому сознанию необходима опора на надежду, утешение и реальную помощь. Но если этого нет, стресс переходит в стадию дистресса – появление и нарастание болезненных изменений в целостном организме.

Фактор голодания, особенно если оно развивается на фоне предшествовавшей сытости и не утоляется хотя бы периодическими моментами насыщения. Такое голодание стремительно разрушает обычные представления о жизненных ценностях. Смысл жизни постепенно сводится к единственной цели – добычи любой ценой пищи, в крайнем случае ее суррогата. В качестве только одного из множества других приведу такой пример: в детдоме дети утилизировали подобранные в кухонных отбросах (а то и случайно найденные) кости путем их обжигания при топке печи или на огне костра, после чего обгрызали обожженную часть, и так до полного “поедания” кости. В данном случае процесс имитировал собой представление о насыщении пищей. Соответственно мысли, воспоминания и бесконечные разговоры о еде были замещающей иллюзией самой еды. Можно бы сказать, что этот стресс голодания в какой-то мере должен бы смягчать и вытеснять стресс сиротства, но в детском сознании он только обострял его, так как источником еды в предшествовавшей жизни всегда были родители, и мама в первую очередь. Единственно положительное значение стресса голодания – это побуждение к активности по изысканию источников и способов добычи пищи. В тех условиях детдома это воровство (чаще с чужих полей), собирание среди кухонных отходов, осваивание ранее неупотребляемых даров полей и деревьев (различные травы, липовые почки), выпрашивание милостыни в походах на деревню (жабрацтва) и кланченье друг у друга, вступление в примитивно коммерческие сделки (за порцию хлеба от завтрака – полторы или две с обеда и ужина, уступка места погреться у печки за очистки от испеченной картошки и т.п.); нередко и откровенный грабеж слабого сильным, изредка кому-то случалось заработать у оккупанта – почистить сапоги, доставить из колодца воды и пр.

Стресс от непрерывно продолжающегося холода понятен для того, кто долго находился в таких условиях существования, не обладая к тому же соответствующей закалкой. Тепло в этих случаях – хотя бы обогреть ладони рук, спину у горячей печи, тем более принять горячую ванну – это то же самое, что голодному оказаться за сытным столом. Известно, что сама по себе жизнь, хотя чувственно не вполне осознается как непрерывное счастье (напоминает об этом инстинкт самосохранения в моменты опасности для жизни), но вследствие этого помогает переносить сопутствующие муки. Именно продолжительная непрерывность холода превращает жизнь в мучительное существование, когда возможное погружение в сон воспринимается как погружение в райское состояние. К несчастью, это лишь мгновенное ощущение, возникающее в минуты пробуждения и в стремительно промелькнувшем засыпании. Отсюда и смерть от замерзания воспринимается замерзающими людьми как блаженное погружение в небытие.

В таких условиях существования оказались дети детдома в Дроздах под Минском в период холодной осени и суровой зимы 1941 – 42 года, т.к. летние тонкостенные деревянные корпуса практически не держали тепла, а дети не имели добротной зимней одежды и обуви. Многие получили обморожения разной степени, для меня это закончилось гангреной и лишением концевых фаланг пяти пальцев ног. Жизнь в таком постоянном холоде практически без периодических банных дней и смены нательного белья неизбежно осложняется паразитарными заболеваниями (педикулезом и чесоткой). А сам по себе упорный педикулез на уровне психического состояния чреват развитием депрессии, впрочем, как и тоскливое состояние, снижая иммунитет, способствует развитию вшивости. Фактически холод, вшивость и мучительное состояние духа (к тому же в ощущении сиротства и голодания), дополняя друг друга, превращали жизнь в сплошную полосу отупляющего страдания.

Но это был не весь комплекс в инстинктивно поддерживаемой борьбе за существование.

Стресс угнетения личности при неудовлетворении элементарных, физиологически первичных потребностей неизбежно приводит к упрощению поведения, направленного исключительно на самоудовлетворение этих витальных потребностей. При этом формируется два полярных типа поведения: одно – преклонение, угодничество слабого перед сильным, вплоть до развития рабской покорности, другое – насильственное подчинение, угнетение более сильным менее сильного, вплоть до развития в себе деспотических наклонностей. С позиций психиатрии в первом случае формируются мазохистские тенденции, во втором – садистические, что в социальном отношении в одном и другом случае деформирует личность по крайним полюсам в диапазоне от формирования характера тоталитарного типа до бездумно конформного. Между этими полюсами не остается места сознательному выбору цели и смысла жизни на основе здоровых ценностных ориентаций, зато остается огромное поле для взращивания крайнего эгоизма и низменных влечений с полным попранием в себе способности к любви как высшего гуманистического начала в человеке. В любом случае происходит снижение уровня личности, притом в периоде, когда личность генетически предуготована для роста и совершенствования.

В плане самоотчета о пережитых 4-х годах своего уходящего детства следует добавить, что в тот последний год войны, будучи насильственно угнанным в Германию оstarбайтером (на более понятном языке – малолетним рабом), пришлось еще испытать воздействие *качественно усложненного стресса угнетения личности* – переживания эпизодов издевательски изощренного унижения врагом, что не всегда одно и то же в сравнении, если подобное приходится претерпевать от своих. Вот только один пример: шеф завода (на котором малолетний узник работал подсобным рабочим с 7 часов утра до 7 часов вечера) едет на велосипеде по асфальтовой мостовой города к своей усадьбе (на которой этот узник должен был работать по субботам). 12-тилетний мальчишка-узник бежит вслед за своим хозяином, гулко цокая по асфальту тяжелыми деревянными колodками на ногах (вид обуви, предназначенной для подобных узников национал-социализма). И даже не это главное в унижении – на громкий цокот по асфальту кандалашек (как называли свою обувь узники) сбегаются немецкие мальчишки, стаяй пристраиваются за этим забавным для них тандемом и весело подгоняют своего сверстника из враждебного стана путем оскорбительных выкриков по его адресу (“русская свинья” и т.п.) Каково это в сравнении, если бы такое приходилось испытывать со стороны потешающихся над тобой своих же мальчишек?! Тоже обидно, но легко представить, что разница все же несопоста-

вмая. Нацисты обучали свое юное поколение, как следует обращаться с рабами и врагами рейха; узники приучались к тому, как надо себя вести в строившемся нацистами мире "нового немецкого порядка".

Спасительным якорем против подобных деформаций личности может быть только сила духа при достаточно развитом интеллекте (способность к аналитической оценке себя, окружающих и соответствующих ситуаций). Но где этого взять только входящему в мир ребенку или хотя бы подростку? Правда, существует еще интуитивно-чувственное восприятие и оценка действительности, выступающие в роли первичной индикации той или иной ситуации с ориентацией на соответствующее реагирование. Однако, это – почти мистическая категория, впрочем, как в некоторой мере и достаточно рано развитый интеллект. Нет таких алгоритмов и вряд ли когда-нибудь появятся столь надежные механизмы воспитания подобной, философски адекватной оценки ситуации посредством интуиции. Однако, имеются основания утверждать, что речь идет о неких врожденных, генетически обусловленных способностях, быть может, удачно реализующихся в определенном социальном окружении их носителя. Иначе не понять, почему у некоторых физически слабых имеется недюжинная сила духа, а многие физически сильные оказываются безвольными (опровергая старинную пословицу, гласящую о том, что "в здоровом теле здоровый дух").

Мой личный опыт трагически пережитого детства того военного периода лихолетья, аналитически осмысляемый через собственный же профессиональный опыт врача-психиатра, убеждает, что в человеке первично выступает чувственное познание и, следовательно, психика, здоровый дух формирует здоровое тело, а не наоборот. Исключения, как известно, не отменяют правила. Но если в детстве не усвоены нормы общечеловеческой морали, на этой же почве не сформировались вполне адекватные ценностные ориентации, и к тому же в качестве кодов психонервной деятельности закрепились дурные и вредные привычки, то трудно ожидать от такой личности правильного (оптимально адекватного) поведения хотя бы в обыденных отношениях. Оно может быть не обязательно общественно вредным и опасным, но так или иначе приводит к снижению уровня личности – пассивности с социальной дезадаптацией в самообеспечении достойной для себя жизни.

С позиций познания закономерностей информационных процессов, участвующих в развитии и самоуправлении живых систем, речь идет о формировании алгоритмов восприятия и реагирования. Нейрофизиологически для формирования паттернов (последовательность нервных импульсов, имеющая определенное информационное значение) и энграмм памяти особую роль играют механизмы импринтинга – первичное запечатление жизненно важной действительности. В этом играют свою роль возраст ребенка, характер и продолжительность извне деформирующего воздействия, тип высшей нервной деятельности и некоторые другие биологически обусловленные факторы организменной деятельности. Все вместе взятое имеет отношение к формированию в мозге человека первичных, базовых кодов психической деятельности, где интеллект и рациональное мышление выступают только в качестве корректоров поведения и планирования деятельности в социальной действительности.

Что-то зависит и от того, как и что изменилось в последующем, в новой среде существования. В данном случае – созданы ли для возвращенного к нормальной жизни бывшего узника реабилитирующие и социально стимулирующие условия жизни или, наоборот, привносятся новые угнетающие личность факторы окружающей среды. В конечном итоге последствия патологического развития личности могут быть либо не очень выраженными и преходящими, либо закрепляются в

стереотип девиантного поведения на долгие годы, или даже остаются пожизненно, дополняясь возрастными изменениями в позднем возрасте.

Остается дать предельно краткий анализ конечного состояния и судьбы бывших малолетних узников нацизма, оказавшихся в итоге в условиях жизни, не лишенной тоталитарного влияния на личность и не вполне отвечающим потребностям общественной реабилитации. В своей массе это люди в большей или меньшей мере страдающие комплексом неполноценности, эмоционально чувствительные, реже – пассивные (механизм психологической защиты); многие не сумели изжить в себе различные другие черты невротизма и психопатизации, вследствие чего проявляют повышенную склонность к невротическим реакциям уже в новых условиях существования. По различным причинам, в том числе и продолженной в Союзе некоторой социальной депривации бывших узников – недоверия в лояльности и ограничения возможностей в самореализации – только около 3% из возвратившихся к, казалось бы, нормальной жизни сумели получить среднее и высшее образование. В этой последней группе оказался и автор данной публикации: почти мистически счастливый случай помог встретиться со своими родителями в родном Минске уже в первый день возвращения из поверженной Германии. Родительская ласка и забота явились мощнейшим фактором реабилитации – поступательному смягчению и ликвидации приобретенных черт болезненной психопатизации. Из-за нее страдали мои учителя школы и сами родители, и только по этой причине можно было оборвать для себя возможность адекватной социальной адаптации и успешной профессиональной карьеры в будущем. Невозможно утверждать в сослагательном наклонении (реализуемых возможностей) – удалось ли этого достигнуть в достаточно полной мере; об этом легче судить другим со стороны. В то же время имеются основания думать, что что-то из пережитого послужило и положительным опытом при разрешении многих жизненных вопросов, реализации творческих устремлений. Но, повторяясь, скажем: такой исход, скорее, счастливое исключение из того, что проделала война, нацизм и тоталитаризм с сотнями тысяч других узников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – С.130-156.
2. Кузнецов М. Маленький остарбайтер // "Неман". – № 2. – 2001. – С.184-220.
3. Gilbert G.M. The Psychology of Dictatorship – New York, 1950.

SUMMARY

This article reveals the changes in the process of psychological development of children who were deprived of their parents and had become preys to national socialist persecutions in the Great Patriotic War.